

Содержание

- 8 О книге
11 Список сокращений
- 13 ИГОРЬ ФЕДЮКИН. «Мнимый барон без всякой дипломы»: Жизнь и похождения Жозефа де Сент-Илера в России и в Европе
- 147 Письма и бумаги барона де Сент-Илера
148 N.º 1. Биография барона де Сент-Илера, 1716 г.
152 N.º 2. «Дневник моих переговоров о сепаратном договоре между королевствами Франции и Испании и Португалией», 18 апреля 1711 г.
164 N.º 3. Письма маркиза де Бэ Жозефу Халлеру, февраль–март 1711 г.
167 N.º 4. Прошение Жозефа Халлера королеве Анне.
168 N.º 5. Халлер — лорду Дартмуту, 28 сентября 1711 г.
170 N.º 6. Халлер — лорду Страффорду, 2 января 1712 г.
172 N.º 7. Халлер — лорду Страффорду, 2 января 1712 г.
174 N.º 8. Халлер — лорду Страффорду, 3 января 1712 г.
176 N.º 9. Халлер — лорду Страффорду, 5 января 1712 г.
179 N.º 10. Халлер — лорду Страффорду, 10 января 1712 г.
181 N.º 11. Халлер — лорду Страффорду, 15 января 1712 г.
183 N.º 12. Халлер — лорду Страффорду, 16 января 1712 г.
185 N.º 13. Халлер — лорду Дартмуту, 21 марта 1712 г.
187 N.º 14. Халлер — лорду Дартмуту, 21 марта 1712 г.
189 N.º 15. Халлер — лорду Оксфорду, 29 марта 1712 г.
192 N.º 16. Халлер — Эразмусу Льюису, 8 мая 1712 г.
194 N.º 17. Императорский патент на имя барона де Сент-Илера, 18 ноября 1712 г.
196 N.º 18. Сент-Илер — графу фон Дауну, 18 апреля 1714 г.

- 201 N.º 19. Анри Лави — маркизу де Торси, 19 ноября 1714 г.
- 204 N.º 20. Сент-Илер — Петру I, 2 марта 1715 г.
- 207 N.º 21. «Проект для сочинения морской академии», 1715 г.
- 211 N.º 22. Проект строительства кораблей на Адриатике, 1715 г.
- 214 N.º 23. «Капитуляция» Сент-Илера, 14 апреля 1715 г.
- 216 N.º 24. Сент-Илер — Петру I, 12 мая 1715 г.
- 218 N.º 25. «Представление» Сент-Илера Петру I, 18 сентября 1715 г.
- 221 N.º 26. Сент-Илер — Петру I, сентябрь 1715 г.
- 222 N.º 27. Сент-Илер — Петру I, 20 октября 1715 г.
- 225 N.º 28. Сент-Илер — Петру I
- 227 N.º 29. А.А. Матвеев — А.В. Макарову, 8 февраля 1716 г.
- 228 N.º 30. А.А. Матвеев — Петру I, 8 февраля 1716 г.
- 229 N.º 31. А.А. Матвеев — А.В. Макарову, 17 марта 1716 г.
- 230 N.º 32. «Ордонанция» об обучении гардемаринов, 20 марта 1716 г.
- 232 N.º 33. А.А. Матвеев — А.В. Макарову, 14 апреля 1716 г.
- 234 N.º 34. А.А. Матвеев — А.В. Макарову, 20 апреля 1716 г.
- 235 N.º 35. «Известие» о Морской академии, весна 1716 г.
- 236 N.º 36. «Правила» для Морской академии, 11 мая 1716 г.
- 240 N.º 37. Сент-Илер — А.А. Матвееву, 20 мая 1716 г.
- 241 N.º 38. Сент-Илер — Петру I, 1 августа 1716 г.
- 244 N.º 39. Описание происшествия в Морской академии, август 1716 г.
- 246 N.º 40. А.А. Матвеев — Сент-Илеру, 26 августа 1716 г.
- 249 N.º 41. А.А. Матвеев — Сент-Илеру, 27 августа 1716 г.
- 252 N.º 42. А.А. Матвеев — Ф.М. Апраксину, 3 сентября 1716 г.
- 254 N.º 43. А.А. Матвеев — А.В. Макарову, 28 сентября 1716 г.
- 256 N.º 44. А.А. Матвеев — Ф.М. Апраксину, 9 октября 1716 г.
- 257 N.º 45. Челобитная навигатора Федота Угримова, октябрь 1716 г.
- 258 N.º 46. Доношение А.А. Матвеева Ф.М. Апраксину
- 260 N.º 47. А.А. Матвеев — Сент-Илеру, 9 ноября 1716 г.
- 263 N.º 48. Сент-Илер — Петру I, 15 ноября 1716 г.
- 268 N.º 49. Доношение А. Фархварсона и С. Гвина А.А. Матвееву, 22 декабря 1716 г.
- 269 N.º 50. А.А. Матвеев — Ф.М. Апраксину, 30 декабря 1716 г.
- 272 N.º 51. Сент-Илер — Ф.М. Апраксину, январь 1717 г.
- 273 N.º 52. А.А. Матвеев — А.В. Макарову, 11 января 1717 г.

- 275 N.º 53. Сент-Илер — А.А. Матвееву, 1 марта 1717 г.
- 277 N.º 54. Сент-Илер — графу Тулузскому, 29 декабря 1715 г.
- 283 N.º 55. Сент-Илер — графу Тулузскому, 12 февраля 1716 г.
- 286 N.º 56. Письмо неизвестного к своему агенту.
- 289 N.º 57. Сент-Илер — Шлейнице, 25 февраля 1717 г.
- 295 N.º 58. Сент-Илер — П.П. Шафирову, 25 июня 1718 г.
- 297 N.º 59. Шевалье де Гийе — А.В. Макарову, 19 февраля 1719 г.
- 305 N.º 60. Автобиография Сент-Илера, ок. 1719 г.
- 312 N.º 61. Барон де Сент-Илер — королю Швеции Фредрику I, 6 июня/25 мая 1720 г.
- 314 N.º 62. Сент-Илер — графу Спарре, 1 июня 1720 г.
- 317 N.º 63. Сент-Илер — Фредрику I, 5 июня 1720 г.
- 319 N.º 64. Сент-Илер — Фредрику I, 20 июня 1720 г.
- 323 N.º 65. Сент-Илер — князю Б.И. Куракину, 10 февраля 1721 г.
- 326 N.º 66. Сент-Илер — князю Б.И. Куракину, 24 февраля 1721 г.
- 328 N.º 67. Сент-Илер — королю Фредрику I, осень 1720 г.
- 335 N.º 68. «Приложение к мемориалу барона Сентилера», ок. 1721 г.

336 Аннотированный именной указатель

О книге

Для публикации в этой книге отобраны документы, выявленные нами в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Парижа, Лондона, Вены и Стокгольма. Это письма самого Сент-Илера, основателя Морской академии в Санкт-Петербурге; письма к нему; некоторые посвященные ему официальные документы; а также проекты нормативных актов, которые он разрабатывал, находясь на российской службе. Несколько особняком стоит публикуемая переписка графа А.А. Матвеева с А.В. Макаровым, секретарем Петра I, за 1716–1717 гг., на которые пришелся конфликт Матвеева с Сент-Илером, разгоревшийся вокруг Морской академии. В этих письмах содержится важная информация о ходе конфликта, о позиции Матвеева, об обстоятельствах принятия Петром решения об увольнении Сент-Илера. Здесь же пересказываются или прилагаются и письма барона Матвееву. Вместе с тем содержание переписки этим не исчерпывается, в некоторых письмах французский авантюрист вообще едва упоминается.

Текст документов, написанных на русском языке, передается с точным сохранением стилистических и фонетических (т.е. с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими тот же звук) особенностей документа. Мягкий и твердый знаки употребляются согласно современному правописанию. Деление текста на слова и предложения проводится в соответствии с современными правилами орографии и пунктуации, проставляются необходимые по смыслу знаки препинания. Приписки, сделанные в документе его автором, вносятся в строку и обозначаются фигурными скобками {}, причем авторские знаки сноски снимаются. Авторские скобки передаются круглыми скобками (), квадратными скобками [] обозначается текст, вносимый публикатором.

Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрываются, восстановленные слова не выделяются. Выносные буквы вносятся в строку без выделения. Пропущенные в документе и восстановленные по смыслу слова воспроизводятся в квадратных скобках. Непрочтенный из-за повреждения документа (обрыв, стертость от ветхости, разрыв, пятна,

выцветание), а также неразобранный текст отмечается отточием в квадратных скобках. Сокращения в общепринятых формулах вежливости и титулатуре не используются.

Прописные и строчные буквы при публикации текста документов употребляются в основном в соответствии с современными правилами орфографии. Орфографические ошибки, явные описки (двукратное написание отдельных букв, слогов, слов, перестановка букв, пропуск букв) устраняются в тексте. Подписи воспроизводятся после текста документа на том языке, на котором они были сделаны, с новой строки независимо от того, где они стояли на публикуемом документе.

Иноязычные документы публикуются на языке оригинала и в русском переводе. Перевод источников с французского языка выполнил Д.А. Кондаков, с немецкого — О.А. Кирикова, с испанского — К. Гуа, с английского — И.И. Федюкин. Текст документов на французском языке был обработан таким образом, чтобы, существенно не нарушая принципы орфографии и пунктуации начала XVIII в., мы могли сделать его удобным для чтения. Таким образом, нам пришлось произвести некоторые вставки и замены.

Расстановка знаков препинания была в целом сохранена, в редких случаях для лучшего понимания текста были вставлены запятые.

Правописание в некоторых случаях было модернизировано для удобства чтения. Вот наиболее частые случаи замен, не отмеченные специально:

— для устранения омонимии: a → à, authorise → authorisé, ce → se, cet → c'est, cy → si, don → dont, du → dû, la → là, la → l'a, ma → m'a, ni → n'y, prix → pris, puis que → puisque, quelle → qu'elle, qu'elle → quelle, ses → ces, s'est → c'est, si → ci, si → s'y, sur → sûr, votre → vôtre;

— добавление диакритических знаков в целях приведения в соответствие с современными графико-фонетическими нормами: alle → allé, apres → après, aupres → auprès, ches → chés, etes → étés, pres → près, tres → très;

— добавление апострофа: cest → c'est, den → d'en, jay → j'ay, na → n'a, quil → qu'il, sil → s'il;

— добавление дефисов: ci devant → ci-devant, ci joint → ci-joint, demi heure → demi-heure, peut être → peut-être.

В случае значительных отклонений от норм правописания, неясностей или описок, делающих текст неудобопонятным, были сделаны подстановки в квадратных скобках: acodera [=accordera], aprezant [=à présent], fere [=faire], feux [=fus], insigne [=indigne], invitation [=invasion], surétte [=sûreté].

В случае существенных грамматических ошибок, таких как несогласование artikelей и прилагательных с существительным во множественном числе, употребление одних глагольных форм вместо других, также были произведены добавления (реже подстановки) в квадратных скобках.

В написании имен собственных, этнонимов и топонимов строчные буквы были заменены на заглавные. В именах нарицательных первая заглавная буква была заменена на строчную. Первая заглавная буква сохранилась (но не добавлялась) в написании титулов, должностей и названий учреждений. Сокращения в общепринятых формулах вежливости и титулатуре были раскрыты без специальных оговорок.

Письменная речь позволяет многое сказать о человеке, и барон де Сент-Илер — не исключение из этого правила. Прежде всего в его письмах, донесениях, проектах заметна ориентация на высокий стиль, который отличают следование нормам эпистолярного этикета, логичность в построении отдельных предложений и целых абзацев, внимание к пунктуации. Очевидно, что Сент-Илер получил определенное образование и воспитание, позволяющие ему не путать устную речь с письменной, прямой разговор с опосредованным обращением. Вместе с тем легко заметить, что барон не зарабатывал на жизнь только пером — отсюда его «невнимательность» к грамматике и орфографии. Тексты Сент-Илера грешат фонетическим правописанием, но не столь часто, чтобы характеризовать его как человека неграмотного и недостойного общаться на письме с сильными мира сего.

* * *

Неоценимую помощь в работе над этим изданием оказали А.Ф. Стровев, Д.О. Серов, С.А. Мезин, К. Гуя, А.О. Видничук, О.В. Русаковский. Вся ответственность за остающиеся в тексте ошибки и неточности, разумеется, лежит на составителе.

Игорь Федюкин, Денис Кондаков

Список сокращений

- АМАЕ — Archives du Ministère des Affaires Etrangères (Париж, Франция)
- АН — Archives Nationales (Париж, Франция)
- BL — British Library (Лондон, Великобритания)
- НА — National Archives (Лондон, Великобритания)
- ОЕСТА/HHСТА — Österreichischen Staatsarchivs/Haus, Hof- und Staatsarchive (Вена, Австрия)
- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи (Москва)
- НИА СПБИИ РАН — Научно-исследовательский архив
Санкт-Петербургского института истории Российской академии
наук (Санкт-Петербург)
- ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного
исторического музея (Москва)
- РГА ВМФ — Российский государственный архив военно-морского
флота (Санкт-Петербург)
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов
(Москва)
- ПСЗ РИ I — Полное собрание законов Российской империи.
Собрание первое. 1649–1825 гг. Т. 1–45. СПб.: Тип. II Отделения
С. Е. И. В. Канцелярии, 1830
- СИРИО — Сборник Императорского Российского исторического
общества
- ЧОИДР — Чтения в Императорском обществе истории и древностей
Российских при Московском университете

«Мнимый барон
без всякой дипломы»:
Жизнь и похождения
Жозефа де Сент-Илера
в России и в Европе

Игорь Федюкин

Прожектеры, авантюристы, искатели фортуны и государство раннего Нового времени

«Барон Сент-Илер, принятый в службу с чином генерал-майора, был человек замечательный по своим знаниям, смелым проектам и самому неуживчивому характеру <...>. Поступив в русскую службу, он не умел, или не хотел применяться к лицам и обстоятельствам», — так описывал капитан-лейтенант Ф.Ф. Веселаго, впоследствии ставший выдающимся историком российского флота, первого директора Морской академии, основанной в 1715 г. в Санкт-Петербурге¹. К сожалению, этим высказыванием он и ограничился: сообщить хоть какие-то дополнительные сведения о личности этого эксперта, о его предшествующем опыте и «замечательных знаниях» ни сам Веселаго, ни последующие историки не могли, а может быть, и не сочли возможным. Между тем Морская академия занимает, конечно, исключительное место в истории отечественного образования: она имеет все основания претендовать на звание первого «регулярного» учебного заведения в стране. Тем примечательнее оказывается фигура ее основателя².

Увы, при ближайшем рассмотрении оказывается, что приглашенный Петром I французский «специалист» был самым настоящим самозванцем и, называя вещи своими именами, международным авантюристом. Сомнений нет: обнаруженные в последнее время документы, в том числе из французских, английских, шведских и иных архивов, не только позволяют детально реконструировать его биографию, но и ясно показывают, что этот генерал российской службы не только не имел баронского титула, но даже и звался не Сент-Илером; не было у него и никаких особых познаний ни в области образования, ни в области военно-морского дела. Как же тогда быть с его многочисленными «смелыми» (как их называл Веселаго) проектами и с его директорством в Морской академии? Следует

¹ Веселаго Ф.Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб.: Тип. Морского Кадетского корпуса, 1852. С. 37.

² О Сент-Илере см. также: Федюкин И.И. Основание Морской академии: Документы барона де Сент-Илера и его преемников, 1715–1723 // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / науч. ред. И.И. Федюкин, М.Б. Лавринович. М.: Новое издательство, 2015. С. 34–68; Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого: Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи, 1682–1727 / под ред. В.С. Ржеуцкого и Д.Ю. Гузевича, при участии А. Мезен. Москва, Ломоносовъ, 2018. С. 354–358.

ли нам теперь считать их не «смелыми», а абсурдными и безграмотными? В действительности все оказывается еще запутанней.

Сам Веселаго хотя и находил у Сент-Илера «замечательные знания», не готов был признавать его основателем Морской академии: историк полагал, что проект француза «не имел влияния на образование нового училища»³. Но на самом деле инструкция Морской академии, устанавливающая порядок учения и содержания учеников и датированная в Полном собрании законов Российской империи 1 октября 1715 г., была составлена именно Сент-Илером и утверждена Петром I по его настоятельной просьбе. И именно в проектах Сент-Илера находим мы и первые упоминания о самой идее создания Морской академии (хотя, разумеется, вообще мысль о необходимости обучения молодых дворян морскому делу и витала тогда в воздухе). Готовы ли мы допустить, что проходимец и искатель приключений все же способен создавать что-то осмыслившее и полезное, — или же, опознав в Сент-Илере самозванца, мы обязаны ретроспективно отказать ему в любом содержательном вкладе в основание первого регулярного училища в России?

Неопределенность эта весьма характерна: при ближайшем рассмотрении Сент-Илер оказывается ярким представителем общеевропейского типажа авантюриста и прожектера раннего Нового времени⁴. В самом

³ Веселаго Ф.Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса... С. 40.

⁴ Об авантюристах см.: Roth S. *Les Aventuriers au XVIIIe siècle*. Paris: Editions Galilée, 1980. Строев А.Ф. «Те, кто поправляет фортуну»: Авантюристы эпохи просвещения. М.: НЛО, 1998. Недавний обзор литературы о самозванчестве в эпоху Просвещения, а также типологию тех ситуаций, в которых становилась возможной смена, корректировка или неопределенность социальных статусов и идентичностей, см. в: Abad R. *La falsification d'identité en France, du règne personnel de Louis XIV à la veille de la Révolution* // French Historical Studies. 2016. Vol. 39. No. 3. P. 471–508. О прожектерах и эпохе прожектерства см.: Novak M.E. Introduction // *The Age of Projects* / M.E. Novak (ed.). Toronto: University of Toronto Press, 2008. P. 3–28. Обзор историографии по этому вопросу см.: Keller V., McCormick T. Towards a History of Projects // Early Science and Medicine. 2016. Vol. 21. No. 5. P. 423–44. О «прибыльщиках» и прожектерах в России см., среди прочего, Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1897; переизд.: М.: ГПИБ, 2000; Ключков М.В. Прибыльщики и доносители петровского времени // Записки Императорского Харьковского университета. 1915. Кн. 3. С. 1–16; Андриайнен С.В. Империя проектов: государственная деятельность П.И. Шувалова. СПб.: Изд-во СПбГУ-ЭФ, 2011; Прокопенко Я.И. «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / под ред. М.М. Крома, Л.А. Пименовой. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2013. С. 323–337; Bartlett R. *Projects and Peasants: Russia's Eighteenth Century*. London: SSEES University College London, 2000;

деле, детальная реконструкция похождений барона напоминает нам, что он был вовсе не уникален: следя за его приключениями, мы постоянно натыкаемся где-то неподалеку от него на аналогичных «прожектеров», которые реализуют или пытаются реализовать весьма схожие схемы, и которые пользуются аналогичными приемами самоизобретательства. В частности, на расстоянии буквально пары рукопожатий от него нам встречаются два самых легендарных авантюриста эпохи, граф Клод Александр де Бонневаль, прославившийся несколько позднее под именем Ахмад-паша как реформатор оттоманской артиллерии, и финансист Джон Лоу, известный своей грандиозной финансовой пирамидой — Компанией Миссисипи. Более того, сами современники видят это сходство и прямо сравнивают Сент-Илера с другими прожектерами.

В этом смысле важно, что известные нам похождения француза не ограничиваются Россией. Легко было бы себе представить, что иностранный мошенник воспользовался наивным увлечением Петра I и его соратников всем «западным», чтобы выдать себя за того, кем он не являлся; чтобы продать русским «секреты» и познания, которыми он на самом деле не обладал; чтобы переизобрести себя заново и присвоить себе комически высокий статус в далекой «дикой» стране. Граница между Россией и Европой в этом случае оказалась бы и границей между пространством «цивилизации», где знают цену настоящему знанию и умеют отличить эксперта от самозванца, и краем легковерных «дикарей», где этой разницы пока еще не понимают и где можно «обнулить» свое прошлое и придумать себе новую биографию. И в самом деле, в одном из своих поздних писем француз прямо именует русских «варварами». Однако российским приключениям Сент-Илера предшествовали похождения и авантюры на Пиренейском полуострове, в Англии, в Священной Римской империи, — практически по всей Европе. До того как предстать при дворе Петра, он общался с британскими министрами и императорскими наместниками, а дворянство и баронский титул он присвоил себе не при пересечении российской границы, а где-то на полпути между Гагаей и Веной; потерпев же неудачу в России, он, как ни в чем ни бывало, отправился предлагать себя в качестве эксперта при шведском дворе. Именно в этот момент, кстати, Сент-Илер, по вполне понятным причинам, и вспоминает о «варварстве» русских. Если взглянуть на историю его похождений с этой стороны, то петровская Россия не выглядит

Bartlett R. Utopians and Projectors in Eighteenth-Century Russia // Russian Culture and Society and the Long Eighteenth Century: Essays in Honour of Anthony G. Cross / R. Bartlett, L. Hughes (eds). Münster: LIT, 2004. P. 98–115.

уникально благоприятным для самозванчества заповедником простаков. Наоборот, оказывается, что она удивительно тесно интегрирована в общеевропейское пространство: авантюрист перемещается из Мессины в Санкт-Петербург столь же легко и непринужденно, как из Гааги в Вену.

Случай Сент-Илера предоставляет богатый материал для изучения этого явления, и данная книга задумана как своего рода документальная хроника похождений авантюриста, которые, как оказалось, неплохо отражены в архивных источниках по всей Европе. Собранные здесь документы включают как собственные письма француза, так и посвященную ему официальную переписку и некоторые другие бумаги, извлеченные из архивов Лондона, Парижа, Вены, Стокгольма — и, конечно, Москвы и Санкт-Петербурга. В этих документах нас интересует прежде всего механика авантюры, политическая тактика авантюриста и те риторические приемы, с помощью которых он переизобретает и «продает» себя, приоравливаясь к изменяющимся обстоятельствам; те социальные и культурные реалии эпохи, которые и делали существование подобных персонажей возможным; а также грань между ними и теми, кого обычно не принято относить к категории авантюристов.

В самом деле, для современного читателя само появление таких фигур, как Сент-Илер, выглядит, конечно, удивительным. Как могли монархи и министры принимать его всерьез? Однако в реалиях начала XVIII в. все далеко не так очевидно. Во-первых, история Сент-Илера напоминает нам, что сам статус «эксперта» в ту эпоху только формировался. Знания и умения, особенно прикладные, носили по большей части характер «мастерства», приобретались ученичеством и долговременной практикой: это относилось и к низменным техническим профессиям, мало отличимым еще от ремесла, и к благородным искусствам дипломатии, войны, судовождения⁵. Кодификация и стандартизация прикладных навыков были еще впереди; представление о том, что им можно научиться в школе, только появлялось (и Морская академия была одной из первых таких школ в Европе). С другой стороны, объем циркулирующих знаний быстро расширялся, как расширялась и институциональная инфраструктура государства, его административный аппарат; постоянно появлялись новые протопрофессии. Общепринятых методов сертификации мастерства в этих областях практически не существовало, за исключением рекомендательных писем и дипломов/патентов на чин, полученных на предыдущем месте службы. Примечательно, что в этом отношении к Сент-Илеру трудно придраться:

⁵ См.: Ash E.H. Introduction: Expertise and the Early Modern State // Osiris. 2010. Vol. 25. No. 1. P. 1–24, и другие статьи в этом специальном номере.

у него-то, оказывается, был патент, действительно выданный ему ни много ни мало самим императором Священной Римской империи. Но, вообще говоря, квалификация толковалась гораздо шире: для того чтобы претендовать на роль знатока, достаточно было предшествующего опыта или даже просто происхождения из той или иной местности. По мнению Джорджа Маккензи, британского резидента в Санкт-Петербурге, Сент-Илер вполне подходил для реализации предлагаемых им в России проектов, поскольку он-де «вырос в Тулоне (*he was bred up in Toulon*)», в портовом городе. Он видел (или мог видеть), как морское управление было устроено во Франции, общался (или мог общаться) с опытными в этой сфере людьми — из таких элементов и строится в то время представление о квалификации⁶.

Одной из возникающих в это время протопрофессий, в которой Сент-Илер и подвизался в России, было управление училищами. В самом деле, если наш герой не подходил на роль директора Морской академии, то кого, в реалиях той эпохи, мы бы сочли для этого достаточно квалифицированным? «Экспертов» подобного профиля, специалистов по администрированию обучения просто не существовало; более того, в большинстве европейских стран не было и подобных учебных заведений. Назначить опытного морского капитана? Но подавляющее большинство капитанов и адмиралов в Европе никогда не учились в таких школах и понятия не имели о преподавании. Поставить во главе училища знающего математика? Но подобный человек по своему социальному статусу, скорее всего, не подошел бы для командования «морской гвардией». Показательно, что Сент-Илера сменил во главе Морской академии граф А.А. Матвеев, человек выдающийся, но имевший, конечно, к военно-морскому образованию отношения ничуть не больше, а пожалуй, и меньше чем француз-авантюрист. В самом деле, Матвеев никогда не служил во флоте; не преподавал и даже не учился в школе; ничего нам не известно и о его возможных познаниях в математике. В отличие от него, Сент-Илер все же имел какой-то опыт на море, вполне может быть, что достаточно обширный. Тем не менее обвинить Матвеева в том, что он не подходит на роль начальника Морской академии, нам в голову не приходит. Объявляя Сент-Илера заведомо негодным в директора такого училища, не воспроизведим ли мы просто социальные стереотипы XVIII столетия, предполагающие, что вельможа-дилетант заведомо подходит на любую руководящую позицию — в отличие от дилетанта-простолюдина?

⁶ Донесение Маккензи от 20 января 1715 г. NA. State Papers. Foreign. Russia. SP 91/8. F. 134.

Но дело не только в этом: граница между авантюристом и неавантюристом оказывается весьма неопределенной еще и потому, что вполне себе «настоящие» государственные деятели той эпохи на поверху пользуются теми же самими приемами, что и авантюрист Сент-Илер. Хотя в биографических словарях они значатся как полноправные эксперты, министры и дипломаты, при ближайшем рассмотрении оказывается, что и они тоже изобретают себе биографию, приписывают себе заслуги, сочиняют «проекты», пытаются поймать фортуну за хвост. Многим из них удается строить вполне успешные карьеры, добиваться высоких постов, затевать действительно грандиозные политические предприятия. Но действительно ли эти сановники и генералы радикально отличались от Сент-Илера, или же мы приписываем им эти отличия ретроспективно, по принципу «мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе»? Чем так уж принципиально отличается наш «мнимый барон без всякой дипломы» от целого ряда иностранцев, сыгравших важную роль в петровское царствование, например, от Франца Лефорта; от шпиона и эксперта в области государственного управления Генриха Фика; от своего конкурента в России, французского морского агента, проходимца и прожектора Анри Лави; и от многих, многих других — не говоря уже о самом Александре Даниловиче Меншикове? Действительно ли провал Сент-Илера был предопределен, поскольку он являлся самозванцем и авантюристом, — или все дело в случайности, в его неуживчивом характере? Возможно, если бы нессора с Матвеевым, Сент-Илер вошел бы в историю как один из ценных экспертов, так удачно приглашенных Петром I на русскую службу, а биография француза красовалась бы в книгах по истории русского флота рядом с биографиями Крюйса, Фархварсона или его соотечественника Никиты Петровича Вильбу?

Наконец, похождения Сент-Илера наглядно иллюстрируют и те особенности формирующегося государства раннего Нового времени, которые сделали возможным появление и функционирование таких проектеров. Государственный аппарат носит в эту эпоху весьмаrudimentарный характер, поэтому государи и их министры не могут не обращаться к подобным предпринимателям, когда им нужна информация, когда необходимо разработать какие-то планы реформ или сформулировать новые инициативы, когда требуется найти человека для выполнения важного задания. Первый этап приключений Сент-Илер приходится на годы Войны за испанское наследство, и как отмечает, например, исследователь британской политики в отношении американских территорий, «помимо защиты статуса кво, у Уайтхолла не было собственных существенных имперских

планов». Все заметные шаги на этом фронте были именно инициативами прожекторов: министры в Лондоне не имели почти никаких сведений о ситуации на местах и могли лишь поддерживать или отвергать те или иные поступающие к ним предложения. Предложения эти, разумеется, подразумевали соответствующее вознаграждение их авторам⁷.

Именно на подобных Сент-Илеру авантюристов и сомнительных персонажей опиралась и разведка: если британцы в противостоянии с Францией пытались использовать искателей приключений из числа эмигрантов-гугенотов, обладавших (или делавших вид, что обладают) нужными контактами и сведениями о положении дел на родине, то французы в свою очередь опирались на якобитов, шотландских и ирландских эмигрантов, католиков. Многие из них в итоге оказывались двойными и тройными агентами или мошенниками, пытающимися надуть своих нанимателей. Зачастую ключевые дипломатические инициативы начинались через неформальные контакты при посредничестве как раз таких авантюристов: именно через неофициального представителя, аббата Франсуа Готье, Англия и Франция начали в 1710 г. прощупывать почву для сепаратных переговоров о мире. В январе 1711 г. Готье привез в Лондон устные предложения от французского министра иностранных дел Жана-Батиста Кольбера, маркиза де Торси, в марте он вернулся в Версаль с английскими контрпредложениями, в апреле 1711 г. Версаль направил в Лондон уже письменные предложения об условиях прекращения конфликта, которые в итоге вылились в Уtrechtский мир⁸. На фоне подобных операций или вечных якобитских заговоров затеваемые Сент-Илером международные интриги вовсе не выглядят из ряда вон выходящими и заведомо абсурдными.

Способствовал, конечно, успеху подобных авантюристов и крайне персонифицированный характер политики и государственного управления того времени. Государственные дела не вполне отделены еще в тот период от дел личных, служебные отношения — от личного приятельства и патрон-клиентских связей. Важнейшие политические вопросы решаются в частной переписке между министрами, роль аппарата выполняет узкий круг приближенных, родственников и личных слуг сановника. Соответственно, не вызывает особого удивления привлечение министром для выполнения деликатных поручений человека, не имеющего официального

⁷ Alsop J.D. The Age of the Projectors: British Imperial Strategy in the North Atlantic in the War of Spanish Succession // *Acadiensis*. 1991. Vol. 21. No. 1. P. 30–53.

⁸ Frey L., Frey M. The Treaties of the War of the Spanish Succession: A Historical and Critical Dictionary. Westport, CT: Greenwood Press, 1995. P. 177–179.

статуса, но пользующегося — якобы — его доверием. И наоборот, после падения того или иного министра в результате придворной интриги, авантюрист вроде Сент-Илера получает возможность списать на него свои предыдущие неприятности, объяснить сомнительные эпизоды в своей биографии поисками недоброжелателей.

Наконец, трансформация Сент-Илера из (бывшего) французского негоцианта в (бывшего) императорского военно-морского чиновника в (бывшего) генерал царской службы становится возможной в том числе благодаря характерному для той эпохи «информационному туману», который хорошо заметен в публикуемых здесь бумагах. С практической точки зрения проверить, что в рассказах Сент-Илера является правдой, а что вымыслом, для современников было непросто. В реалиях начала XVIII в. у них могло просто не быть для этого инструментов, надежных альтернативных источников информации — зачастую только от таких вот сомнительных авантюристов и можно было получить хоть какую-то информацию об иностранных государствах вообще. Информация эта по определению препарировалась и подавалась ими исходя из их собственных конъюнктурных целей. Например, в 1718 г. русские власти получают донос, разоблачающий Сент-Илера, — но в нем же содержится и аналогичное, даже более развернутое разоблачение шевалье де Вертона, вполне легитимного королевского придворного, которого Франция действительно собиралась направить в Россию послом. В 1715 г., вскоре после назначения Сент-Илера директором Морской академии, в Россию возвращается граф Матвеев, который мог бы разоблачить авантюриста, — но незадолго до того царь получил из Вены анонимный донос и на самого Матвеева.

Разумеется, доносы эти были прямо увязаны с придворными и дипломатическими интригами, нацелены на дискредитацию оппонента — поэтому-то получатель их неизбежно воспринимает такие сообщения с долей скептицизма. И наоборот, собеседники Сент-Илера иногда и сами не слишком стремятся к разоблачению самозванца. Вообще говоря, мы видим, что успех, пусть и временный, приходит к нему именно тогда, когда тот или иной сановник оказывается заинтересован в том, чтобы излагаемая авантюристом версия оказалась правдой, — а вернее, когда авантюристу удается подстроить свой нарратив под интересы собеседников. Практически на всех этапах своих приключений Сент-Илер уже с самого начала вызывает некоторые сомнения — но сомнения эти до определенного момента игнорируются.

В условиях такого информационного тумана статус человека во многом определяется его самопрезентацией и сопровождающими его

слухами: авантюрист активно общается, рассказывает окружающим свою биографию — и самим этим актом говорения устанавливает свой социальный статус. Факт предшествующих контактов с видными государственными деятелями в дальнейшем позволяет представить себя как человека со связями — даже если контакты эти кончились плохо или ограничились общими разговорами. Полученные в таком разговоре сведения тут же пересказываются другим контрагентам, чтобы представить себя как человека информированного. Огромную роль, конечно, играют рекомендательные письма, которыми француз запасается при каждой возможности.

При этом в публикуемых здесь документах хорошо видны и пределы вымысла, который позволяет себе наш герой. Сент-Илер не сочиняет собственную жизнь с нуля, не пытается представить себя блестящим принцем Голконды или таинственным магистром ордена иллюминаторов, как это будут делать многие «классические» авантюристы второй половины XVIII в. Наоборот, как кажется, он в максимальной возможной степени опирается на потенциально верифицируемые факты, додумывая или «подправляя» свое прошлое лишь там, где это необходимо, зачастую на уровне не столько даже фактов, сколько их интерпретаций. Добившись некоторого, временного и неустойчивого, успеха в одной из попадающихся на его пути столиц, Сент-Илер фиксирует соответствующий статус в рекомендательных письмах и движется дальше. Наоборот, серьезное вранье при этом мы видим не так уж часто. Как кажется, он все же придумал летом 1712 г. свое дворянство; выдуманными, скорее всего, являются и рассказы проходимца о конфискованном у него во Франции и Испании состоянии. В остальном же речь идет о творческой перекомпоновке фактов, об их избирательном использовании и избирательном умолчании, о все новых и новых трактовках действительно имевших место событий. Оказавшись на новом месте, он как бы выводит за скобки те неприятности и скандалы, которыми неизбежно завершается предшествующий эпизод, и, опираясь на полученные ранее рекомендации, «надстраивает» свою биографию.

Но на примере Сент-Илера мы также видим, как функционируют общеевропейские каналы сбора и распространения информации, которыми все больше пользуется и Россия. Франция опирается на разветвленную сеть консулов и дипломатических представителей, чтобы отслеживать перемещения Сент-Илера в Италии; российские дипломаты ведут активную переписку не только с правительством в столице, но и друг с другом, сообщая коллегам о происходящем в странах их пребывания и передавая по цепочке получаемую от них информацию. Свою роль начинает играть

и прессы: оказывается, даже о таком третьестепенном персонаже, как Сент-Илер, заинтересованные современники могли узнать из газет. При этом сообщения эти, насколько мы можем судить, не являются полной выдумкой: все обнаруженные нами газетные заметки о Сент-Илере как минимум не противоречат другим известным нам источникам. В итоге мы видим, как люди и слухи постоянно перемещаются по континенту, и Сент-Илер все чаще сталкивается с отзывами своих предыдущих похождений. Он все чаще вынужден не только излагать собственную версию своей биографии, но и опровергать альтернативные версии.

Поэтому-то тактика авантюриста требует регулярного перемещения из одной страны в другую. Видимо, не случайно мы теряем след Сент-Илера вскоре после того, как завершилась неудачей его авантюра в Швеции: француз добрался до крайней точки Европы, куда же ему двигаться дальше? Смог бы он вернуться в одну из уже «отработанных» им стран, в Англию или в свою родную Францию (и такие попытки он регулярно предпринимает) — или же ему пришлось бы идти на более радикальный шаг, отправиться в Османскую империю или в американские колонии? Как мы увидим, на каждом этапе своего пути Сент-Илер обязательно заводит разговор о возвращении назад, пытается переиграть предыдущий эпизод, выжать что-то еще из прошлого места службы — но не случайно это ему, как кажется, ни разу не удается.

За Пиренеями

Подробное изложение ранних похождений авантюриста мы находим в документах французского Совета морского флота (*Conseil de la Marine*). К тому времени королевские агенты уже давно держали его в сфере своего внимания, и 6 января 1716 г. чиновники добавили детальную биографическую справку прямо в протокольной книге, на полях соответствующей записи (документ 1)⁹. Если верить этому документу, основные факты таковы: будущий «барон» родился в Тулоне, в мещанской семье и носил фамилию Аллер (*Allaire*), был негоциантом в Байонне, затем попался на мошенничестве со страховкой («составив подложный страховой контракт на корабельный груз, по которому тот груз был дорого оценен и застрахован, а меж тем тюки, сундуки и ящики были заполнены лишь камнями и травой»). Адмиралтейские власти Байонны приговорили его к галерам, однако поймать мошенника им не удалось: Аллер скрылся

⁹ AN. Marine. B⁷ 28. F. 129–130 (примечания на полях).

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru